

Глава 11: «Просто для удовольствия»

Я до сих пор живо помню едва сдерживаемую ярость в глазах Се Яня, когда я был ранен. В тот момент мое сознание было затуманено, и я списал это на плод своего воображения.

Но сейчас рука Се Яня сжимала мою челюсть в неумолимом захвате, лишая меня возможности пошевелиться. Сила настолько велика, что грозит оставить синяки. Я не могу не задумываться о причине его гнева.

Я тщательно прокручиваю в уме все события дня: император приказал устроить охоту на тигра, а затем Се Янь привел меня в джунгли с той же целью. Так как я был ранен, Се Янь был вынужден ухаживать за мной, упустив свой шанс поохотиться на тигра.

Может быть, император был недоволен Се Янем?

Может быть, поэтому Се Янь был так разгневан?

Я всегда понимал яростное стремление Се Яня быть первым и то, насколько важно для него одобрение императора. Я даже часто испытывал сочувствие и беспокойство по поводу его неустанных усилий.

Но сегодня именно я помешал ему.

При этой мысли мои ладони стали влажными, и меня охватил леденящий страх, как будто я падаю в глубокое море, а Се Янь — моя единственная спасительная веревка.

Исполненный извинений и раскаяния, я осторожно взял Се Яня за лацкан, не смея встретить его свирепый взгляд. Мой голос, едва слышный шепот, заикался: «П-прости. Я-я не должен был раниться».

«Прости, что из-за меня ты пропустил охоту на тигра».

«Но я действительно не хотел этого».

Вина и самообвинение полностью охватили меня, заставляя чувствовать себя задыхающимся и подавленным. Даже мой голос дрожал от слегка сдавленного рыдания.

«Ха». Над моей головой раздается насмешливый смешок. Я поднимаю на него глаза. Он кажется одновременно раздраженным и развеселенным, его выражение лица слегка смягчается. Он смотрит на меня незнакомым, удивленным взглядом, как будто я какая-то странная аномалия. «Фэн Муцю, у тебя в голове вата?»

Я не могу понять скрытый смысл его слов и хочу, чтобы он просто сказал мне, что нужно сделать, чтобы успокоить его гнев.

Но Се Янь всегда предпочитает тщательно скрывать свои эмоции. Иногда он молчит, оставляя мне возможность понять его настроение только по его выражению лица. В других случаях, когда он все-таки говорит, его слова похожи на непостижимую загадку, заставляя меня гадать и приходиться к неопределенному ответу.

«Ты помнишь, что я сказал раньше?»

Голос Се Яня шептал мне на ухо, его дыхание ласкало мои уши, когда он говорил. Мы находимся невероятно близко, но я не смею развлекаться нежными мыслями, боясь снова спровоцировать его. Я мог только честно ответить: «Д-да, я помню. Ты сказал мне не вмешиваться в дела, которые меня не касаются».

«Тогда ты прислушался к моим словам?» Се Янь наклонился еще ближе к моему уху. Я почти чувствовал, как его прохладные губы касаются моей мочки уха, и по моему телу прошел внезапный разряд электричества. Мое лицо покраснело, как будто в нем кипит вода.

«Ты прислушался?» — снова настаивает он.

Сегодня Се Янь необычно разговорчив, как будто его взволновало какое-то глубокое потрясение. Он, кажется, намерен все уладить и безжалостно требует ответов.

Пока я размышлял, как ответить, мое тело внезапно напряглось. По моему уху распространилось влажное ощущение — Се Янь высунул язык и слегка лизнул мою мочку уха.

Как он мог!

Я совершенно ошеломлен. Хотя я испытываю чувства к Се Яну, я никогда не испытывал такой близости. Его игривые и многозначительные действия приводят меня в замешательство и страх, и я инстинктивно отшатываюсь, желая уйти от него.

Но Се Янь не дает мне уйти. Он остро чувствует мое желание отступить и обхватывает мою талию рукой, как железным обручем, делая побег невозможным.

Настаивая на ответе, спрашивая меня, слово за словом: «Ты помнишь?»

«Я помню, я помню», — заикаюсь я, мое лицо, наверное, красное, как задница бабуина. Я не могу не извиниться и не просить пощады. «Ты сказал мне не вмешиваться, а я не послушался. Я был неправ. Пожалуйста, накажи меня, я тебя умоляю».

«Я действительно усвоил урок, действительно».

Мне хотелось пасть ниц перед Се Яном. Эта ситуация совершенно унижительна.

Се Янь крепко обнял меня за талию, его губы задержались у моего уха. Если это продолжится, боюсь, мое ухо самовозгорится.

Помогите! Пожалуйста, пощади меня! Хотя бы не таким наказанием! Я так унижен, что хочу найти место, где можно спрятаться, а потом приложить лед к моему горящему уху.

«Если ты не можешь даже этого выдержать, как ты смеешь смело заявлять, что я тебе нравлюсь?» Се Янь кажется одновременно разгневанным и презрительным по отношению к моей робости, его слова пронизаны сильным презрением и снисходительностью.

Хотя я и смущаюсь, но не могу терпеть, когда сомневаются в моей искренности. Игнорируя свои покрасневшие щеки и горящее ухо, я смотрю ему прямо в глаза.

В этот момент на губах Се Яня появляется насмешливая улыбка, как будто он высмеивает мою трусость и слабость. Он смотрит на меня с невозмутимым видом, его глаза-фениксы глубокие и спокойные, как тихое море, и манят меня, как магнитом.

«Я, я...»

«Хм?» На его губах по-прежнему играла насмешливая улыбка, он ждал, пока я продолжу, но его глаза были серьезными.

Сегодня Се Янь ведет себя очень странно. Он, кажется, с нетерпением ждет моего смелого признания, как будто все его слова и действия направлены на то, чтобы спровоцировать меня, подтолкнуть к открытому признанию в любви.

Тогда я исполню его желание.

«Ты мне нравишься», — признаюсь я, не в силах удержаться от того, чтобы не теревать постельное белье под собой. «Именно потому, что ты мне нравишься, я не мог не вмешаться».

«Это не вмешательство».

«Все, что касается тебя, никогда не бывает тривиальным».

Произнеся эти слова, я вдруг почувствовал себя очень красноречиво и безмерно горжусь своей умной аргументацией.

Едва я произнес эти слова, как насмешливая улыбка исчезла с губ Се Яня. Его глубокие серые глаза вдруг забурлили скрытыми течениями, как бурные волны. Я не мог разглядеть его эмоции, но он внезапно наклонился ближе, и его губы, казалось, были готовы встретиться с моими. Мое сердце забилося в груди.

Но затем, с жестокой ухмылкой, он изменил направление, и его острые клыки яростно вонзились в мое ухо.

«Ай, ай, ай...» От боли у меня на глаза навернулись слезы.

Се Янь, должно быть, в прошлой жизни был собакой, что объясняет его нынешнюю склонность к кусанию. Боль невыносима, поэтому я инстинктивно наклоняюсь к нему, пытаюсь уменьшить расстояние и облегчить острую муку.

После того, что кажется вечностью, Се Янь медленно отпускает мое ухо. Он вытягивает свой влажный язык и нежно слизывает капли крови, стекающие с моего уха, и хриплым голосом спрашивает меня: «Урок усвоен?»

Задыхаясь от боли, я быстро отвечаю: «Урок усвоен. Я больше не осмелюсь. Пожалуйста, пощади меня».

«Если ты еще раз осмелишься пораниться, все будет не так просто». Холодный голос Се Яня звучал строго и резко. Его пальцы нежно ласкают мою челюсть, как будто он игриво дразнит послушную кошку.

Слезы наворачиваются на глаза, и я мог только кивнуть, сдавленно произнося: «Я действительно понимаю».

Я опустил голову, почти погружая ее в вышитое одеяло. Жгучая боль распространяется от моего уха. Я даже не могу заставить себя остановить озорную руку Се Яня. Он внезапно поднимает мой подбородок, и его божественно красивое лицо медленно приближается к моему.

Я действительно боюсь его, ожидая очередной притворной атаки, боясь, что мое ухо снова пострадает. Я быстро закрываю уши, но на этот раз я просчиталась.

Губы Се Яня действительно такие же холодные, как я и представлял. Мягкий, мимолетный поцелуй лег на мои губы.

Се Янь, он поцеловал меня.

Я был совершенно ошеломлен, даже не заметив, когда Се Янь отпустил меня и ушел с кровати. Только когда он приносит мне чашку горького лекарства, я вышел из оцепенения.

Я моргнул, встречаясь с его безразличным взглядом, и спрашиваю.

«Се Янь, почему ты поцеловал меня?»

Может быть, Се Янь тоже меня любит? Если он меня не любит, зачем он меня поцеловал? Я целую только тех, кого люблю. Может быть, Се Янь чувствует то же самое?

В этот момент мое сердце похоже на альпиниста, который пересек бесчисленные горы, чтобы наконец достичь самого прекрасного цветка, но я боюсь, что все это может оказаться сном.

Я жадно смотрю на него, нервно сжимая пальцы. Мое сердце еще более напряжено и взволновано, чем во время любого предыдущего признания, я боюсь, что мог неправильно понять его намерения или неверно истолковать его чувства.

Фигура Се Яня заслоняет свечу позади него. Поскольку он стоит спиной к свету, я не мог разглядеть тонкие эмоции на его лице. Он, кажется, вернулся к своему обычному холодному поведению, поднося чашку с лекарством к моим губам и безразлично говоря: «Просто для удовольствия».

Просто для удовольствия?

Кровь, которая прилила к моим венам от этого поцелуя, мгновенно застыла. Такой интимный поцелуй, по словам Се Яня, был просто «для удовольствия».

Может ли он тогда легкомысленно целовать других просто для удовольствия? Я отчаянно хочу спросить, но боюсь узнать ответ.

Я больше ничего не сказал, неловко глотая горькое лекарство. Горький вкус проникает в самую глубину моей души, даже моя кровь, кажется, кричит.

«Так горько».

Я чувствую, что мне нужно пространство и время, чтобы успокоиться, но Се Ян остается рядом, элегантно просматривая документы, время от времени поглядывая на меня и призывая меня пить воду или принимать лекарство.

Я не хочу его сейчас видеть; его слова выводят меня из себя. Я в одностороннем порядке объявляю, что на несколько дней порву с ним отношения. Я снова буду его любить, только когда у меня будет лучшее настроение.

Но Се Янь не позволяет мне встать с постели, не то что уйти. Его острые глаза похожи на глаза орла, а я — как жалкое маленькое животное, едва выживающее на территории орла.

Прибытие моего отца спасает меня. Он вбегает, почтительно кланяется наследнику престола, а затем внимательно осматривает меня с головы до ног, его глаза краснеют. «Все эти годы я не позволял тебе приходить, боясь каких-нибудь несчастий. Теперь ты так тяжело ранен — ты что, хочешь до смерти напугать своего отца?»

«Тебе больно? Может, вызвать императорского врача, чтобы он прописал тебе обезболивающее?»

«Тебя еще где-нибудь беспокоит?»

«Позволь отцу тебя осмотреть».

Я не могу видеть, как мой отец так волнуется, поэтому сразу же улыбаюсь ему и успокаиваю его: «Это всего лишь небольшой порез на руке. Императорский врач сказал, что через несколько дней отдыха он заживет. Не волнуйся, отец, ничего серьезного. Почти не больно — лекарство императорского врача очень сильное. Совсем не больно!»

«Ты, дитя мое, всегда пытаешься меня утешить. Как это может не быть больно? Это разбивает сердце твоего отца».

Мой отец всегда сохранял достоинство и самообладание перед другими, но когда дело касалось меня, он становился нервным и чрезвычайно тревожным.

«Ваше Высочество, я заберу сына домой, чтобы он поправился. Спасибо за вашу доброжелательную заботу, Ваше Высочество».

Я тайно радуюсь словам отца, даже улыбка играет на моих губах. Но Се Янь вставляет: «Молодой господин Фэн был ранен, спасая меня. Я несу ответственность за его благополучие. Он может поправиться в резиденции наследного принца. Здесь все подготовлено, и дежурный императорский врач также находится на связи. Канцлер, можете быть спокойны».

Как будто мой отец мог быть спокоен!

Услышав это, отец с беспокойством нахмурился, и на его лбу выступили капли пота. «Мой сын озорной и с детства слабый. Во время его выздоровления необходимо соблюдать много мер предосторожности — не стоит беспокоить Ваше Высочество».

«Что касается мер предосторожности, канцлер, вы можете сообщить мне о них. Я буду иметь их в виду». Се Янь остался непреклонен. Он общается с моим отцом с вежливостью, но его взгляд время от времени падает на меня, уверенный, что я не осмелюсь отказаться от его предложения.

Но он ошибается. Я прочищаю горло и медленно начинаю: «Ваш покорный слуга предпочитает

восстанавливаться дома. Спасибо за вашу доброту, Ваше Высочество. Я очень признателен».

Как пострадавшая сторона, мои слова затрудняют даже для наследного принца настаивать, так как желания пострадавшего должны иметь приоритет. Се Янь больше ничего не сказал, бросил на меня свирепый взгляд, а затем ушел в ярости. Мой отец немедленно забрал меня домой.

«Никогда больше так не делай. Твой отец уже в возрасте и действительно не может больше переносить такие переживания». Отец укладывает меня в постель, все еще явно потрясенный.

Я беру его за руку своей неповрежденной рукой и мягко пожимаю ее. «Я в полном порядке, видишь? Все в порядке».

«Второго раза не будет». На этот раз отец действительно зол. Он строго укладывает мою руку обратно под одеяло.

«Отец, кто-нибудь поймал тигра?» Мои мысли все еще крутятся вокруг тигра. Если бы его никто не поймал, это было бы идеально — положение Се Яня осталось бы стабильным. Думая об этом, я чувствую укол самообвинения за то, что снова бессознательно беспокоюсь о нем.

«Восьмой принц поймал его. Император был в восторге».

«О». Я чувствую укол разочарования, но в то же время и чувство «он заслужил это» по отношению к Се Яню. Затем я спрашиваю отца, кто организовал покушение.

Мой отец глубоко нахмурился, его выражение лица было серьезным. «Это был генерал Северного гарнизона».

«Как это мог быть генерал Северного гарнизона?»

Генерал Северного гарнизона и мой отец на протяжении многих лет поддерживали хрупкий баланс сил. У него не было никаких причин убивать наследного принца и ставить под угрозу свою давнюю основу. Размышляя об этом, я стал более серьезным.

«Убийцы твердо утверждали, что это был генерал Северного гарнизона. У него не было возможности защитить себя. Император, учитывая его многолетнюю службу, сослал весь его клан».

Взгляд моего отца устремляется в даль, в нем смешиваются скорбь и тревога, а в голосе слышится глубокая печаль, как будто он оплакивает потерянного союзника.

«Кто теперь будет командовать войсками генерала Северного гарнизона?» У меня уже есть смутное подозрение, но я все равно спрашиваю.

«Это будет наследный принц». Отец глубоко вздыхает. «Хотя наследный принц молод, его хитрость не уступает хитрости императора».

Все странности теперь сбрасывают свои таинственные покровы: ранние предупреждения Се Яня, его намеренное настаивание на том, чтобы продвигаться глубже, удивление убийц, когда они ранили меня — все теперь имеет объяснение.

Внезапный холод пробегает по моему телу. Поразительно красивые, необычные серые глаза Се Яня снова мелькают в моей памяти, как взгляд ядовитой змеи. На кончике моего уха все еще остается ощущение от прикосновения змеиного языка.

<http://bllate.org/book/15794/1412428>